
МАРИНА ВЕТРОВА ✦ ЭММА РУДКЕВИЧ
Измена мужа.
Ты лишил нас дома и денег,
но миллиардер вернул мне всё!

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты лишил нас дома и денег, но миллиардер вернул мне всё!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты лишил нас дома и денег, но миллиардер вернул мне всё! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Муж вычистил нашу квартиру, обвинил меня в краже и забрал больную дочь из клиники.Без денег, документов и права увидеть Лизу я оказалась перед угрозой тюрьмы.Григорий уверен: женщина, которой нечем платить за лечение ребёнка, подпишет любые бумаги.Но у него есть враг — влиятельный инвестор Виктор Черных.Он предлагает помощь и защиту, однако за его добротой скрываются собственные планы.Чтобы вернуть дочь, мне придётся раскрыть преступления мужа и научиться отличать спасение от новой зависимости.Я больше не стану ничьей пешкой.Даже если мужчина, способный уничтожить империю предателя, однажды попросит меня остаться рядом с ним навсегда.На моих собственных условиях.

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Марина Ветрова, Эмма Рудкевич Измена мужа. Ты лишил нас дома и денег, но миллиардер вернул мне всё!

Глава 1

Я помню запах ванильных свечей. Григорий купил их в Милане, чтобы «создать уют», хотя сам никогда не зажигал их — боялся дыма на своих итальянских костюмах. Этот запах был последним, что осталось от моей жизни, прежде чем реальность треснула по швам.

Дверь была открыта. Не распахнута настежь с грохотом, как в дешевых триллерах, а просто приоткрыта. Щель в два пальца. Темная пасть. Внутри царила тишина, нарушаемая только монотонным гудением холодильника и тиканьем часов на стене. Часы показывали семь утра. Мы выходили из клиники в шесть. Лиза осталась в палате, спала спокойно, впервые за месяц без гримасы боли. Я думала: «Всё. Врач сказал, терапия работает. Сейчас я заварю чай, положу голову ему на плечо, и мы решим, куда переехать».

Инстинкт шептал: «Не входи». Волосы на предплечьях встали дыбом, холодок пробежал по позвоночнику, даже несмотря на то, что в подъезде было душно. Но здесь лежали вещи и документы Лизы. Если бы там был пожар, если бы кто-то кричал, я бы рванула внутрь. А тут тишина. Самая страшная тишина.

Я толкнула дверь плечом. Она скрипнула, открываясь полностью.

Прихожая пустая.

Кухня выглядела так, будто её вылизали до блеска чистильщики обуви. Никаких кружек с отколотыми ручками, никаких пакетов с крупой в шкафу, никаких салфеток. Пустые белые полки смотрели на меня с укором. В спальне царил хаос иного рода: все мои вещи исчезли. Исчезли сумки, одежда, косметика, документы. На кровати лежали только старые журналы про дизайн интерьеров, которые он покупал для «души», и дешёвая бижутерия из пластикового ларька на Тверской. Он оставил мне мусор. Буквально. Смысл его послания был жесток и прост: ты ничего не стоишь. Ты — лишняя деталь механизма, которую выбросили ради новой игрушки.

Мои руки затряслись. Я начала рыться в ящиках комода, где обычно хранила ключи и наличные. Пусто. Только пыль и пустое место от шкатулки его матери, которая умерла, когда он был подростком. Он методично вычистил всё. Это не кража грабителей, которые хватают золото и бегут. Это хирургическая операция по ампутации моей личности.

На кухонном столе лежала бумага. Плотная, кремовая, с золотым обрезом. Нотариальная печать. Я схватила её, пальцы скользили по гладкой поверхности. За печатью шли сухие формулировки. Ниже Григорий дописал свои условия:

«Анна Соколова (урожденная Морозова). Развод инициирован. Опека над несовершеннолетней Елизаветой Соколовой передается отцу в связи с нестабильным эмоциональным состоянием матери и отсутствием постоянного места жительства. Отказ от раздела имущества подписать сегодня до 18:00. Твоя дочка не стоит моих миллионов. Подпиши, или она будет жить в интернате.»

Он называл мою дочь «твоей дочкой». Как будто она была чужой. Как будто те бессонные ночи, когда я держала её руку, пока ей ставили капельницы, были моими личными капризами. Миллионы против жизни ребенка. Для него это был вопрос бухгалтерии.

Телефон зазвонил. Резкий, требовательный звук разорвал тишину кухни. Я вздрогнула, чуть не выронив записку. На экране светился неизвестный номер. Я взяла трубку, ожидая услышать голос Григория, его насмешливое «Ну что, дорогая?».

— Вы Анна Соколова? — мужской голос был механическим, лишенным интонаций. Диспетчер скорой помощи? Полиция?

— Да, это я. Что случилось?

— По адресу вашей регистрации поступило заявление о совершении преступления, предусмотренного статьей 158 УК РФ. Хищение в особо крупном размере. Владелец квартиры сообщил о хищении ценных вещей и документов. Вы обязаны оставаться на месте. Патруль уже в пути.

Линия оборвалась. Гудки. Длинные, мерзкие гудки.

Сердце пропустило удар, а потом заколотилось так, что боль отдавала в висках. Ловушка. Он вызвал полицию на себя же, заявив, что я ограбила собственную квартиру. Чтобы я не могла уйти. Чтобы арестовать меня прямо здесь, в больничной одежде, с медицинскими картами дочери в руках.

Сирена. Сначала далекая, потом ближе. Две машины. Одна за другой. Звуки тормозов во дворе. Я метнулась к балкону. Мои ноги путались в длинном пальто, которое я накинула поверх джинсов после больницы. Выглянув вниз, я увидела синие вспышки маячков. Людей в форме не было видно, но я знала, что они идут сюда. К двери. К моему дому, которого больше нет.

Бежать было поздно. Лифт остановится на нашем этаже. Лестница вниз — через весь подъезд, я не успею. Они возьмут меня в коридоре, публично, перед соседями, которые теперь ненавидят меня за шум.

Папка с документами Лизы. Единственное, что я успела схватить из клиники. Редкий генетический код, анализы, назначения. Это моя жизнь. Это жизнь Лизы. Без них я никто.

Я бросилась в кладовку под лестницей. Там пахло пылью, старой краской и химией для полов. Я закрыла дверь на защелку, присела на корточки, прижимая папку к груди так сильно, что впивались уголки. Темнота давила на глаза. Слышался топот в прихожей. Грубые голоса.

— Она внутри! Камера видеонаблюдения зафиксировала вход!

Дверь кладовки вылетела с грохотом. Свет из прихожей ударил в лицо, ослепив. Руки схватили меня за плечи, грубо, без всякой жалости. Меня выдернули наружу. Я упала на колени, ободрав кожу о кафель. Боль пронзила колено, но я не вскрикнула. Только стиснула зубы так, что затылок заболел.

— Это та жена Соколова? — усмехнулся один из офицеров. Молодой, с прыщавым лицом и глазами, в которых читалось презрение к бабам, которые «вечно воруют у богатых мужей». Он пнул носком ботинка моё пальто. — Ну-ка, встань. Руки за спину.

Меня обыскивали прямо в коридоре. Перед открытой дверью соседней квартиры, откуда высунулась любопытная старуха. Офицер достал из кармана моего пальто телефон, ключи от машины (которую тоже могли забрать), бумажник. Никаких ценностей. Только папка.

— Что это? — он выхватил медицинские карты.

— Документы моего ребенка! — мой голос сорвался на визг. — Оставьте!

— Улика, возможно. Изъять.

Их не волновало, что там написано про дозировки препаратов и график физиопроцедур. Им нужна была моя вина.

В участке было холодно. Серые стены, запах пота и дешевого кофе. Следователь, полный мужчина с двойным подбородком, смотрел на меня поверх очков.

— Ваша квартира оформлена на господина Соколова. Заявления о разделе имущества нет. Инвентаризация показала пропажу техники и личных вещей на сумму более пяти миллионов рублей. Вы признаете факт хищения?

— Это моя квартира! Я там жила! — я ударила ладонями по столу. Звук получился глухим.

— Жила — не значит владела. Ваш адвокат не выходит на связь. Ваши счета заморожены по запросу банка-партнера господина Соколова. Вы понимаете ситуацию? Вы не можете оплатить залог. Вы не можете нанять нового защитника. Вы — фигурант уголовного дела.

Изоляция. Абсолютная, стерильная, как операционная. Григорий не просто бросил меня. Он уничтожил мою способность дышать. Он перекрыл кислород. Деньги, закон, репутация — всё было у него. У меня осталась только эта комната и чувство унижения, которое жгло изнутри, как кислота.

— Мне нужно позвонить в клинику, — сказала я тихо. — Моей дочери нужен врач. Если я не отвечу на звонки, её могут перевести...

Следователь посмотрел на часы.

— Один звонок. Три минуты. И говорите по-русски, без истерик.

Он протянул мне телефон. Я набрала номер частной клиники «МедСфера», где Лиза лежала последние две недели. Руки дрожали так, что я едва попадала пальцами по кнопкам.

— Клиника «МедСфера», слушаю вас.

— Здравствуйте, это мама Лизы Соколовой. Можно поговорить с врачом? Или узнать, как она?

Тишина на другом конце провода затянулась. Потом администратор ответила сухо, профессионально холодно:

— Господин Соколов забрал девочку утром. Перевод в другую клинику осуществлен по его распоряжению. Медицинские карты также изъяты владельцем. Нам запрещено давать какую-либо информацию третьим лицам.

— Третьим лицам? Я её мать! — крик застрял в горле комком крови.

— До свидания.

Гудки. Я висела на телефоне, не слыша ничего, кроме собственного дыхания. Они забрали её. Забрали документы. Забрали надежду.

В этот момент, глядя на записку Григория, которую мне вернули вместе с вещами («для ознакомления»), я заметила мелочь. Крошечную, незаметную ошибку. На приложенном бланке, в поле «Дата рождения опекаемого лица», была опечатка. Вместо 2016 года стоял 2015-й.

Он торопился. Или он никогда не запоминал точных данных своей «заложницы». Для него Лиза была цифрой в бюджете, статьей расходов, инструментом давления. Он не любил её. Он использовал её болезнь как повод держать меня в клетке. Эта ошибка была щелью в его броне. Маленькой, тонкой, как волосок, но она была. Он небрежен. Его можно поймать на этой небрежности.

Меня повели к служебному входу. Конвоир толкнул в спину. Воздух снаружи был морозным, резким, пах бензином и мокрой землей. Машина полиции ждала. Черная, блестящая, с решетками на окнах.

Пока я шла, дрожа от холода и страха, мой собственный телефон, второй, старый аппарат, оставшийся в подкладке пальто после обыска, завибрировал.

Я не смогла посмотреть сразу, но почувствовала вибрацию через ткань. Когда охранник отвернулся, проверяя замок на воротах, я быстро бросила взгляд на экран.

Сообщение от номера, который я не сохранила, но который знал, кто я.

«Не садись в машину к ним. Жди меня у служебного входа. Через 3 минуты. — Виктор Черных»

Черных. Инвестор. Враг Григория. Человек, чье имя шептали в бизнес-кругах с опаской, потому что он ломал тех, кто переходил ему дорогу.

Машина заглушила двигатель. Дверь открылась. Конвоир махнул рукой: «Залезай».

Я посмотрела на темное небо Москвы, на огни города, который казался мне гигантским, равнодушным зверем. Григорий думал, что он поставил точку. Что я исчезну, растворюсь в системе, как сахар в чае.

Но у него была ошибка в дате рождения. А у меня был билет в ад к другому человеку.

Я сделала шаг назад, прочь от машины.

Виктор Черных еще не приехал. Но он уже был здесь. В этом сообщении. В этой паузе между жизнью и смертью.

Григорий хотел, чтобы я плакала в подушку.

Я собиралась сделать так, чтобы он рыдал в камере.

Глава 2

У служебного входа конвоир вдруг отступил от машины: ему позвонили из кабинета следователя. Подошедший адвокат Черных добился отмены задержания и забрал меня под расписку. Он вернул мне телефон, ключи и папку с Лизиными картами; записку Григория оставили копией в деле. Виктора я так и не увидела. После освобождения я бросилась обратно в клинику. Пусть администратор соврала о переводе — я хотела проверить сама. Я бежала по коридору «МедСферы», чувствуя, как каблуки стучат в висках. Воздух здесь был стерильным, холодным и пах дешевым кофе из автомата где-то в подсобке. Но мне было не до запаха. В голове билась только одна мысль: Лиза. Живая. Дышащая.

Администратор за стойкой — девочка лет двадцати с прыщиками на лбу — побледнела так, что её румяна стали видны сквозь белизну кожи. Она не смотрела на меня. Она смотрела поверх моего плеча, туда, где у лифтов уже разворачивались двое охранников в серой униформе.

— Пропуск? — голос администратора дрогнул, сорвавшись на шепот. — Анна Сергеевна... нам запрещен доступ к палате номер четыреста двенадцать. По указанию главного спонсора. Полиция уже вызвана. Уходите, пожалуйста.

Указание главного спонсора. Григорий. Он даже имени не называл вслух, просто превращал деньги в стену, бетонную, глухую, непробиваемую для собственной жены. Для матери его дочери.

— Открой глаза, — я ударила ладонью по столу ресепшена. Пластик отозвался сухим стуком. — Там моя дочь. Ей нужна терапия, которую ты не имеешь права блокировать.

Охранники были быстрее, чем я думала. Один из них, гора мышц с коротким ежиком волос, перехватил мои руки за спиной. Больно. Скручивая кисти так, что суставы хрустнули. Второй толкнул меня вперед, прижимая лицом к мраморной стене холла. Кафель обжег щеку холодом. Я чувствовала свой пот, кислый и липкий, и металлический привкус крови во рту, где я случайно прикусила губу.

— Пусти! — я дернулась, но хватка была железной. Тогда я сделала то, чего они не ждали. Развернула голову и впилась зубами в предплечье охранника, прижимавшего меня к стене.

Он взвыл, ослабляя захват на долю секунды. Этого хватило. Я выскользнула, но меня тут же повалили обратно. На пол капнула кровь — смешанная со слюной и пылью от подошв.

— Помогите! — кричала я, глядя в лицо администратору. Та отвела взгляд. Страх перед Соколовым был сильнее страха перед законом. Или перед человеческой болью.

Сирена вдалеке нарастала. Не машина скорой помощи. Патруль.

Полицейский вошел, когда меня уже держали ничком, вдавливая грудную клетку в пол. Молодой парень, веснушчатый, с равнодушными глазами человека, который видит такие сцены каждый день.

— Документы, — потребовал он.

Паспорт остался в сейфе дома. Дома, которого больше нет. В кармане пальто я судорожно сжимала медицинскую карту Лизы. Бумага была мокрой от моей крови и пота.

— Это моя дочь, — хрипела я, подняв голову. Волосы прилипли ко лбу. — Муж выгнал меня из дома. Я пытаюсь увидеть ребенка. Проверьте камеры. Вызовите скорую для девочки, ей плохо!

Полицейский взял карту, брезгливо перелистнув страницы. Затем достал телефон, сверился с базой. Его лицо изменилось. Стало жестче.

— Соколова Анна Сергеевна? — спросил он, хотя и так было понятно. — Поступило заявление от гражданина Соколова Г.А. о попытке проникновения в частное медучреждение и хищении конфиденциальных данных. А также о сопротивлении сотрудникам охраны.

— Это ложь! — закричала я, пытаясь сесть. — Он забрал все вещи! Он оставил нас без средств!

— Тише. — Полицейский положил руку на моё плечо. Тяжелую. Как печать. — Проедемте в отделение. Разберемся там.

Мир поплыл. Не от ударов, а от бессилия. Закон работал не на справедливость, а на того, кто купил его интерпретацию.

Меня усадили в автозак между двумя конвойными. Телефон изъяли на месте, вместе с сумкой; медкарту Лизы я спрятала за пазуху раньше, чем конвойный успел опустить взгляд. Ехали долго, сирены выли и замолкали, а я считала минуты: в это время в клинике моя дочь могла проснуться одна.

В отделении меня оформили быстро, будто по шаблону: дежурный зачитал права с зевком, фотограф щёлкнул вспышкой, и через полчаса дверь кабинета следователя захлопнулась за моей спиной.

Кабинет следователя пах старой бумагой и табачным дымом, въевшимся в стены. Стул был пластиковым, жестким, с выступающими болтами, которые впивались в бедра. Мне не дали воды. Не разрешили позвонить маме. «Режим изоляции до выяснения обстоятельств», — сказал конвойный, запирая дверь снаружи.

Я сидела, сжав кулаки так сильно, что ногти впились в ладони до боли. Часы на стене тикали оглушительно. Каждый тик — ещё секунда, пока Лиза одна в палате. Минута, пока няня Григория решает, кормить ли ее или оставить голодной. Минута, пока она плачет, ожидая маму, которая никогда не придет.

Дверь открылась.

Григорий вошел, не дожидаясь приглашения. Он выглядел так, будто только что вышел с деловой встречи. Идеальный костюм, тонкий аромат сандала и дорогого табака. Никакого раздражения. Только скука.

Он не сел. Прохаживался вдоль стола, поправляя манжеты рубашки. Золотые запонки ловили свет лампы, слепя глаза.

— Ты выглядишь жалко, Анечка, — произнес он мягко. Так говорят с больным животным, которое нужно усыпить. — Зачем эта истерика? Зачем кусать людей?

— Верни дочь, — прошептала я. Голос сорвался, превратившись в скрип. — Просто верни ее.

Григорий усмехнулся. Коротко, сухо.

— Ты не поняла условий игры. Я не хочу тебя видеть. Я хочу подписи. Здесь, — он бросил на стол стопку бумаг. — Отказ от имущества. Признание вины в краже документов из офиса. Взамен я забираю заявление. Ты сможешь видеть Лизу раз в неделю. Под присмотром няни. В присутствии адвоката.

— Ты убьёшь её своей заботой, — слова вылетели сами, прежде чем я успела их остановить. Они были правдой. Холодной, жестокой правдой.

Григорий замер. Его глаза, обычно темные и глубокие, стали пустыми, как колодцы зимой.

— Твоя дочка не стоит моих миллионов, — повторил он фразу из записки. — И уж точно не стоит твоей гордости. Решай. Через десять минут я ухожу. После этого ты поедешь в СИЗО. Там нет окон и нет врачей для детей.

Он повернулся к двери. Хлопок раздался громче, чем сам уход.

Я осталась одна с бумагами. С чернилами, которые пахли смертью нашей семьи. Но я не взяла ручку. Я знала: если подпишу, стану соучастницей его преступления против Лизы. Если откажусь — стану заложницей системы.

Но система оказалась медлительной.

Через пять минут дверь снова открылась. Следователь, молодой мужчина, вошел с новым сотрудником.

— Гражданка Соколова, оформляем задержание. До решения суда останетесь под стражей. Вставайте.

Ноги одеревенели. Я не могла поднять себя. Страх за Лизу сменился животным ужасом перед камерой. Там меня сломают. Там я потеряю связь с реальностью окончательно.

Когда конвойный схватил меня за плечи, чтобы рывком поставить на ноги, я начала задыхаться. Это не было притворством. Горло сжалось, легкие отказывались вдыхать воздух. Мир сузился до точки перед глазами.

— Врача! — крикнул конвойный, отпуская меня.

Я упала на колени, хватаясь за горло руками. Пальцы скользили по коже, покрытой мурашками. Сердце билось где-то в висках, гулко и неправильно.

— Скорую! — кто-то закричал в переговорное устройство.

Когда в кабинет вошла бригада скорой, я уже не могла уследить за временем. Медсестра быстро подключила капельницу, врач осматривал меня, бормоча термины. Меня положили на носилки. Голова кружилась, но сознание оставалось острым, как бритва. Я видела лица вокруг. Растерянность конвойных. Нервозность следователя.

И спокойствие нового человека.

В дверном проеме стоял мужчина. Высокий, в темном пальто, распахнутом несмотря на холод. Лицо его было скрыто в тени коридора, но я чувствовала этот взгляд физически, как давление на грудь. Виктор Черных.

Он не говорил ни слова. Просто прошел внутрь, игнорируя конвойных. Достал из внутреннего кармана визитку и положил её на стол следователя рядом с папкой моего дела.

Следователь посмотрел на визитку. Потом на Виктора. Потом снова на визитку. Его лицо вытянулось. Цвет крови исчез с щек.

— Господин Черных... — начал он, но голос предательски дрогнул.

Виктор молча кивнул в мою сторону.

— Произошла ошибка в идентификации личности, — быстро пробормотал следователь, обращаясь к конвойным. — Основания для дальнейшего задержания не подтверждены. Освободите гражданку.

Конвойные переглянулись. Один из них, тот, кто поднимал меня с пола, отвел глаза. Они вышли, забрав папку.

Тишина стала звенящей. Врач закончил осмотр, что-то написал в карте и тихо вышел, оставив дверь полуоткрытой.

Я лежала на носилках, глядя в потолок. Свет ламп мерцал. Облегчения не было. Вместо него пришла липкая, холодная волна ужаса. Почему он здесь? Как он узнал? Почему это заняло меньше минуты?

Это не благотворительность. Это демонстрация силы. Григорий играл по правилам закона, покупая их. Виктор играл по своим, ломая систему одним движением пальца.

Виктор подошел ближе. Его туфли не издавали звуков на линолеуме. Он навис надо мной, и тень легла мне на грудь, тяжелая, как бетонная плита. Пахло от него кожей, морозом и чем-то еще — опасным, первобытным.

Он наклонился, почти касаясь подбородком моих волос. Его голос был низким, бархатным и страшным.

— Хочешь увидеть дочь живой или хочешь остаться свободной?

Вопрос повис в воздухе, плотный и непроницаемый. Я посмотрела ему в глаза. Темные, бездонные, в которых отражалась не забота, а расчет. Я понимала: я только что сменила одну клетку на другую. В первой была решётка из законов Григория. Во второй ключи принадлежали этому человеку.

Но он знал, за какой дверью была Лиза.
Я закрыла глаза. Свет мигнул последний раз.

Глава 3

Мои пальцы онемели от холода и от того, что я вцепилась в звонок домофона так сильно, будто пыталась выдавить из него кровь. Дверь хрущевки на улице Кржижановского открылась не сразу. Сперва за щелью проглянул глаз Тамары Ильиничны — мутный, испуганный, обведенный синяками недосыпа. Она не распахнула дверь настежь, как делала всегда, встречая меня с тортом или свежим постельным бельем. Она приоткрыла её ровно настолько, чтобы впустить меня боком, и тут же захлопнула, проверяя замок дважды.

Внутри пахло валерьянкой, старым линолеумом и чем-то сладковатым, гнилостным — запахом застоявшейся жизни. Я сбросила куртку, но Тамара даже не посмотрела на мои промокшие волосы. Её взгляд метался по коридору, ловил тень на лестничной клетке сквозь матовое стекло двери.

— Заходи быстрее, Аня. Быстрее! — шептала она, толкая меня к кухне. — Тетя Люба сверху смотрит. У неё бинокль. Гриша говорил... он сказал, что может поставить здесь камеру.

Я замерла посреди тесной кухни, где стол был завален скатертями и банками с вареньем. Сердце ухнуло вниз. Камера? Здесь? В коммуналке, где мы делили санузел с соседями? Это было абсурдно и чудовищно одновременно. Но страх матери был заразным, липким, он оседал на коже, как пыль.

— Мама, мне нужен телефон, — сказала я, стараясь говорить ровно, хотя голос дрожал. — Адвокат Виктора Черных должен связаться со мной через час. Если я не отвечу, они решат, что я сбежала.

Тамара Ильинична побледнела ещё сильнее, если это вообще было возможно. Она схватилась за край стола, костяшки пальцев стали белыми.

— Какой адвокат? При чём тут этот твой Черных?! — она почти визжала, но прикрывала рот ладонью. — Мне звонил Гриша. Час назад. Он сказал, что если ты останешься здесь хоть на минуту, он заберёт у меня дачу. И напишет жалобу в ЖКХ. Скажет, что я укрываю преступницу. Аня, у меня нет денег на штрафы. Нет сил судиться.

— Он блефует, — я сделала шаг к ней, протягивая руку. — Мама, он вывез всё из квартиры. Он хочет посадить меня за «кражу» документов, которых у меня нет. Ты же знаешь, какой он. Он монстр.

Тамара отдёрнула руку, словно я обожгла её. В её глазах мелькнуло не сочувствие, а холодный, расчетливый ужас перед нищетой.

— Не смей так говорить про него! — крикнула она, и звук ударился о стены, заглушая собственный стыд. — Он тебя кормил! Платил за Лизину клинику! Ты неблагодарная сука!

Она схватила мою сумку со стула у порога. Внутри была только папка с медицинскими картами Лизы, анализы, выписки. Всё, что осталось от моей дочери. Тамара начала вытряхивать содержимое, шаря руками по бумагам, ища компромат.

— Что ты делаешь? — я бросилась к ней, чувствуя, как внутри рвётся тонкая нить терпения.

— Избавляюсь от проблем! — рыдала она, сунув папку в мусорный пакет. — Если участковый увидит эти бумаги, он скажет, что ты их украла из офиса Соколова! Я не хочу сидеть рядом с тобой в СИЗО!

— Отдай! — я вцепилась в пакет. Полиэтилен трещал под моими ногтями. Мы тянули его друг к другу, как два зверя над добычей. Тамара была сильнее физически, крепче, привыкшая к бытовым битвам. Она ударила меня плечом в грудь. Жестко, зло.

Я потеряла равновесие. Колени ударились о шершавый кафель кухни. Боль была острой, пронзающей, но эмоциональная рана оказалась глубже. Я смотрела вверх, на лицо родной жен-

щины, которое исказила гримаса ненависти. Не ко мне. К ситуации. К правде, которую я принесла ей в дом.

— Ты одна, Аня, — процедила она, глядя на меня сверху вниз. — Иди отсюда. Пока не привела сюда полицию.

И тут раздался стук. Не в дверь, а прямо в сердце. Три коротких, уверенных удара в деревянную панель входной двери коммуналки.

— Тамара Ильинична! Участковый Петров! Откройте! Нам поступила жалоба на нарушение общественного порядка!

Тамара мгновенно переменилась в лице. Гнев исчез, оставив после себя лишь пустую, театральную скорбь. Она смахнула слезу, которой на самом деле не было, и побежала открывать.

Я осталась на коленях на холодном полу, прижимая к груди порванный мусорный пакет с документами Лизы. Бумаги мялись, углы ломались. Это были доказательства диагноза, это была жизнь моей дочери.

Петров, здоровенный мужик в форме, пахущий табаком и дешевым одеколоном, протиснулся внутрь. Тамара стояла за его спиной, опустив глаза, делая вид, что плачет.

— Это ваша дочь? — спросил Петров, глядя на меня.

— Она... она просто пришла повидаться, — прошептала Тамара, не поднимая головы. — Но она кричит, угрожает... Вы же знаете, какая она истеричка после развода.

— Документы есть? — Петров потянулся к моему пакету.

Я молчала. Я смотрела на мать. На эту женщину, которая в детстве носила меня на руках, когда у меня была температура. Теперь она продавала меня за спокойствие своего участка земли в Подмосковье. Система работала безотказно. Закон был на стороне того, кто имел власть и деньги. А у меня не было ничего, кроме этой папки.

— Дайте мне паспорт, гражданочка, — потребовал участковый. — Или будете проходить в участок для выяснения обстоятельств. Там уже ждут. По словам вашего бывшего мужа, вас разыскивают по делу о краже корпоративных секретов.

Кража секретов. Смех да и только. Какие секреты у домашней жены? Только то, что Лизе нужна дорогая терапия, на которой Григорий теперь экономил, называя её «неэффективным вложением».

Я медленно поднялась. Колено болело, кожа на ладонях содралась, оставляя красные полосы на грязном кафеле. Я посмотрела на Тамару долгим, пустым взглядом. В этом взгляде не было боли. Только сталь. Холодная, застывшая сталь, которая появилась там, где раньше жила мягкость.

— Я ухожу, — сказала я тихо. — Но знай, мама. Когда они придут за тобой. Когда Григорий решит, что ты больше не полезна. Ты вспомнишь этот момент.

Тамара вздрогнула, но не ответила. Петров хмыкнул, выпуская меня наружу.

На улице Москва встретила меня серостью и ветром, который пробирал до костей. Телефон разрядился окончательно, превратившись в бесполезный кирпич. Я стояла посреди двора, среди голых деревьев и ржавых гаражей, и не понимала, куда идти. Нигде. Ни дома, ни работы, ни защиты. Даже материнский дом стал чужим.

Рядом бесшумно остановился черный внедорожник. Окно с тонировкой опустилось с электрическим жужжанием. Внутри сидел Виктор Черных. Он не улыбался. Его лицо было маской из камня и шрамов, которые он скрывал, но которые чувствовались в линии челюсти. За рулем сидел охранник, который даже не повернул головы в мою сторону, но его рука лежала на рукояти пистолета под курткой.

Виктор смотрел на меня через стекло. Долго. Оценивающе. Как инженер оценивает прочность конструкции перед тем, как запустить механизм.

— Твоя мать продала тебя за дачу, — произнес он низким, бархатным голосом, который резанул нервы. — Мне это нравится.

Я сглотнула ком в горле, чувствуя запах кожи, дорогого табака и чего-то еще — запаха опасности, от которого перехватывало дыхание.

— Это значит, что ты научилась считать цену вещей, Анна.

Он не протянул руки. Не предложил помощь. Он просто ждал. Дверь внедорожника щелкнула и распахнулась перед самым носом. Внутри было тепло, темно и пахло властью.

Я поняла, что он видит во мне не бедную женщину, нуждающуюся в спасении. Он видел солдата. Солдата, который уже потерял все человеческие привязки, все иллюзии и всю надежду на справедливость этого мира. Ему нужны были именно такие. Те, кому нечего терять, кроме собственной души.

Григорий одержал моральную победу, изолировав меня. Он отрезал корни, выбросил на ветер. Но он недооценил скорость, с которой я адаптируюсь к жизни в тени.

Я шагнула в машину. Дверь закрылась, отсекая шум города, холод и предательство матери. Мир вокруг стал маленьким, темным и опасным. Но впервые за сутки я почувствовала, что дышу.

Глава 4

Воздух в коммуналке матери ещё стоял в горле густым, как кисель из старых разговоров и чужого страха. Пахло мокрой шерстью, дешевым табаком и тем особым, удушливым ароматом предательства, который я чувствовала кожей, еще не успев ступить на порог. Мама так и не посмотрела мне в глаза. Я всё ещё видела, как она сжимала передник, пока участковый стоял между нами.

— Мне нужно выйти, — мой голос прозвучал хрипло, сорванно. Я потянулась к ручке дверцы машины, но пальцы скользнули по холодному металлу. Внутри всё кричало: «Не соглашайся». Там не было спасения. Там была клетка с золотыми прутьями.

Виктор даже не повернул головы. Он лишь чуть наклонился к одному из своих людей, одетому в строгий черный костюм, который стоил больше, чем вся эта коммунальная квартира вместе с ремонтом.

— Если она не согласится через минуту, мы уезжаем. Без неё и без Лизы.

Сердце пропустило удар. Не угроза. Просто констатация факта. Холодная математика выживания.

Я толкнула дверцу и вышла обратно во двор. Виктор обошёл машину. Его шаги были бесшумными; я следила за ними, прикидывая, успею ли добежать до арки.

У черного внедорожника с тонированными стеклами он остановился и придержал открытую заднюю дверь жестом, не допускающим возражений. Внутри пахло кожей, дорогим парфюмом и спокойствием. Это спокойствие давило сильнее любого крика.

Я снова села, чувствуя, как мокрый подол пальто липнет к сиденью. Руки все еще дрожали.

— Мне нужны деньги, — начала я, стараясь говорить твердо, хотя горло сводило спазмом. — На адвоката. И я хочу видеть Лизу. Сейчас. Немедленно.

Виктор сел рядом, повернувшись ко мне. Он посмотрел на меня так, будто оценивал товар низкого качества.

— Деньги? — его губы едва заметно дернулись в усмешке. — Ты просишь крошки, Анна. Твои счета заморожены не потому, что Григорий жадный, а потому что он хочет, чтобы ты голодала. Чтобы ты стала удобной.

Он достал телефон, ткнул в экран и развернул его ко мне. На фото была Лиза. Она сидела в кресле частной клиники «Семейная», улыбаясь медсестре. За окном виднелась знакомая улица.

— Твоя дочь сейчас под наблюдением лучших врачей Москвы, — произнес Виктор ровно. — Но эти врачи работают на меня. По скрытому контракту. Понимаешь? Лиза не пленница. Она заложник в партии, которую я веду против Соколова. И пока ты не в игре, она в безопасности только настолько, насколько это выгодно мне.

Страх за ребенка сковывал горло туже, чем любые цепи. Но внутри поднималась злая, черная волна обиды. Почему он говорит со мной так? Как с вещью?

— Зачем тебе это? — спросила я, глядя ему прямо в глаза. — Почему ты вообще вмешался? У тебя есть свои проекты, свои враги. Почему моя жизнь касается тебя?

Виктор не ответил. Вместо этого он протянул руку к карману переднего сиденья и вытащил тонкую папку. Бросил её мне на колени.

— Открой.

Мои пальцы, липкие от пота, подняли обложку. Первые же фотографии ударили в живот тошнотой. Григорий. Марина Ветрова. Они были в постели, но не в той романтической позе, которую показывают в кино. Они смеялись над документами. Над схемами. Над деньгами. Фотографии были сделаны крупным планом, с датировками и подписями банковских перево-

дов. Это не компромат на измену. Это доказательство того, что мой муж годами использовал нашу семью, нашу дочь, мою веру в него как ширму для грязного бизнеса.

Я захлопнула папку, чувствуя, как к глазам подступают слезы стыда и бешенства. Грязь. Всё было грязью.

— Это... это подлость, — прошептала я.

— Это бизнес, — поправил Виктор. — А теперь слушай. Ты не хочешь быть советником по этике. Ты хочешь быть матерью. Но чтобы спасти дочь, тебе нужно стать кем-то другим.

Он включил видеосвязь на своем телефоне. Экран ожил. Няня Григория, та самая, сухая женщина в платке, выводила Лизу из клиники. Ребенок держался за её руку, о чем-то спрашивая. Кадр дрогнул, связь оборвалась. Темнота на экране стала приговором.

— Они могут увести её куда угодно, если план сорвется, — сказал Виктор, убирая телефон. — Или хуже. Могут оставить без лечения, которое ей сейчас критически важно.

Моя гордость трещала по швам, рассыпаясь в пыль. Я ненавидела его. Ненавидела эту машину, этот запах кожи, эту власть. Но ненависть к нему бледнела перед ужасом за Лизу.

— Что ты хочешь? — спросила я, и мой голос звучал чужим.

Виктор посмотрел на меня внимательно. В его серых глазах не было жалости, только расчет.

— Тебя возьмут на работу. Офис Соколова. Должность личного ассистента или HR-директора. Кого бы они ни назначили, роль одна: найти подложные документы по госзаказу. Тот самый проект, ради которого Григорий решил убрать тебя с дороги.

— Это невозможно, — возразила я, цепляясь за реальность. — Меня арестуют при первой попытке войти в здание. Моя репутация уничтожена полицией. Кто меня возьмет?

Виктор достал визитку. Простую, белую, с одним номером телефона.

— Агентство «Кадровый Резерв». Я контролирую его. Твоя биография будет переписана сегодня же. Завтра утром ты придешь в офис Соколова как новый сотрудник с безупречным резюме. Григорий не ожидает увидеть там тебя. Он думает, что ты прячешься у матери, считая дни до суда.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— А если я провалюсь? — спросила я тихо. — Или предам тебя?

Виктор не повысил голоса. Он даже не изменил позы.

— У меня есть контакты в системе опеки, Анна. Если ты будешь играть не по правилам, я могу добиться признания Лизы недееспособной из-за тяжелейшего стресса со стороны матери. Интернат для детей с особыми потребностями. Чистые стены, хороший уход. И никаких пап. Никаких мам. Только тишина.

Холодок пробежал по спине. Он не рыцарь. Он не спаситель. Он монстр, который держит поводок за оба конца, и один конец пристегнут к моей шее.

— Ты чудовище, — сказала я.

— Я реалист, — ответил он. — И я единственная твоя надежда.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором стояло лицо Лизы. Её смех. Её боль. Три года я жила в лжи. Григорий говорил, что болезнь дочери неизлечима, что нужна экспериментальная терапия за миллионы, что только он может обеспечить нам будущее. Я верила. Я жертвовала карьерой, собой, своей свободой.

Открыв глаза, я увидела, как Виктор смотрит на меня. В его взгляде мелькнуло что-то странное. Не жестокость. Почти интерес.

— Есть одно условие, — сказала я. — Я должна знать правду. Почему ты знаешь о документах? Почему ты знаешь о диагнозе Лизы?

Виктор помолчал. Секунды тянулись как вечность. Потом он вздохнул, и этот звук показался мне человеческим.

— Потому что я финансировал исследование этого диагноза три года назад. Через благотворительный фонд. Григорий тогда был партнером одного из моих конкурентов. Он получил доступ к результатам раньше меня.

— Результаты? — переспросила я.

— Болезнь Лизы не смертельна, Анна. Она требует специфической реабилитации, которую можно пройти здесь, в Москве. Не в Швейцарии. Не за десять миллионов долларов. За сумму, которая для Соколова была копейкой. Но он скрывал правильный диагноз. Он держал тебя привязанной страхом. Чтобы ты никогда не смогла уйти. Чтобы ты всегда нуждалась в нём. Чтобы твои руки были заняты, пока он строил свою империю на грязи.

Мир качнулся. Стены машины сжались вокруг меня. Я задыхалась. Три года. Три года я плакала по ночам, считая себя плохой матерью, которая не может спасти ребенка. Три года я терпела его холод, его измены, его цинизм, потому что боялась, что без его денег Лиза умрет.

А он просто играл в шахматы. И я была пешкой, которую он пожертвовал ради хода конем.

Злость поднялась из глубин живота, горячая, черная, разрушительная. Она выжигала страх. Она выжигала стыд. Она превращала жертву в игрока.

— Где она сейчас? — спросила я. Голос стал ровным, стальным.

— В безопасности, — коротко ответил Виктор. — Пока ты не начнешь действовать.

Он вышел первым и протянул мне руку. Помочь выйти. Его ладонь была сухой и горячей. Крупные пальцы, сильное запястье. Я взялась за неё. Подтянулась, выходя из машины. Дверь захлопнулась за моей спиной, отрезая шум улицы, запахи города, прошлую жизнь.

— Добро пожаловать в ад, Анна, — сказал Виктор, глядя на меня сверху вниз. В его глазах читалось предупреждение и... приглашение. — Здесь хотя бы честно.

Я выпрямила спину. Пальто было мятым, туфли стёртыми, но взгляд горел.

— Я запомню, — ответила я.

И я действительно запомнила. Каждое слово. Каждую деталь. Теперь у меня была цель. Не просто вернуть дочь. Разрушить того, кто превратил мою любовь в оружие против меня самой.

Глава 5

Перед отъездом я поднялась к матери за старой зарядкой: мой телефон был мёртв, а её провод лежал в ящике кухни. Виктор остался у машины, обещав забрать меня через минуту. Мать снова встала на пороге, загораживая выход всем своим грузным телом, и в её глазах читался не страх за меня, а паника за свои стены. Коммуналка пахла вареной свеклой, сыростью и тем особым затхлым духом безысходности, который въедается в одежду так глубоко, что никакая стирка не поможет. Тамара Ильинична протянула мне листок бумаги, смятый в кулаке, и её пальцы дрожали.

— Подпиши, Анечка. Просто подпиши отказ от претензий. Гриша сказал, если ты это сделаешь, он не тронет мою квартиру. Он же может всё забрать, понимаешь? Может выселить нас всех по закону о банкротстве.

Я смотрела на её лицо — морщинистое, бледное, искаженное трусостью. Вчерашняя опора стала предателем. Она не видела во мне дочь. Она видела помеху, которая может стоить ей крыши над головой.

— Ты боишься его, мам. Не меня. Его денег.

Она открыла рот, чтобы возразить, но я выхватила бумагу из её руки. Бумага была тонкой, дешевой. Я рванула её пополам. Резкий хруст разорванного волокна прозвучал как выстрел в тишине кухни. Потом еще раз. И еще. Кусочки снега легли на грязный линолеум.

— Никогда, — сказала я тихо. Голос не сорвался. Внутри было пусто и холодно, как в колодце зимой.

Тамара Ильинична ойкнула, прикрыв рот рукой, но не посмела остановить меня. Я забрала провод из ящика, сунула в карман и шагнула к двери, толкнула её плечом и вышла в подъезд. Дверь захлопнулась за спиной, отрезав запах свеклы и маминых слез.

На лестничной площадке у окна курили двое. Черные куртки, одинаковые стрижки, тяжелые ботинки. Они не были полицией. Это были «крыша» Григория. Те, кто должен был дождаться меня и «случайно» найти сумку с документами, чтобы посадить в СИЗО. Один из них, рыжий с шрамом через бровь, сделал шаг навстречу, блокируя проход.

— Куда прешь, тетка? Показывай сумку. Тут инструктаж.

Второй усмехнулся, доставая телефон для фото. Я сжала ручку своей единственной сумки, где лежали медицинские выписки Лизы. Если они их найдут, конец. Но я не успела испугаться. Тень упала на стену раньше, чем я увидела хозяина.

Из полумрака коридора вышел Виктор. Он даже не посмотрел на охранников. Просто положил руку на плечо рыжего. Легко, почти небрежно. Но рыжий замер, как кролик перед удавом. Его лицо побелело, губы пересохли.

— Господин Черных... Мы не знали, что вы здесь... Это просто... техническое задание...

Виктор молчал. Он смотрел куда-то сквозь них, в точку на стене, но его взгляд давил физически, как столб воздуха. Рыжий попятился, натыкаясь на коллегу. Через секунду оба растворились в темноте лестницы, забыв про мои документы и про свой приказ. Виктор повернулся ко мне. Его глаза были цвета мокрого асфальта. Ни капли тепла, только сталь.

— Идем. Машина ждет.

Теперь мы шли к другой машине. Во дворе стоял черный Mercedes S-Class, бронированный, с тонированными стеклами, которые казались непроницаемой стеной. Я потянулась к задней дверце, инстинктивно пытаясь сохранить дистанцию пассажира.

— Теперь садись спереди, Анна.

Это не было предложением. Это было требованием. Я посмотрела на него. Он держал дверь передней стороны открытой.

— Почему?

— Потому что сзади ты будешь чувствовать себя вещью. А нам нужно, чтобы ты чувствовала себя партнером. Или хочешь остаться жертвой?

Я закусила губу до боли. Партнер. Смешно. Но внутри что-то шевельнулось. Обида смешалась с любопытством. Я села рядом с ним. Кожа сиденья была холодной, гладкой и дорогой. Запах нового автомобиля перебивал мой собственный пот и страх. Виктор закрыл дверь, и мир снаружи стал немым кино.

На переднем сиденье я подключила телефон к зарядке. Поездка заняла двадцать минут. Мы ехали молча. Он вел машину уверенно, одной рукой, не отвлекаясь от дороги. Я чувствовала каждое движение его мышц под рукавом рубашки. Опасность витала в воздухе густо, как дым сигареты, которую он курил утром.

Пентхаус Виктора встречал стерильностью. Огромная гостиная с панорамными окнами на Москву, дорогая мебель, минимализм, граничащий с холодом кладбища. Ни цветов, ни картин, ни личных мелочей. Штаб командования.

— Где моя комната? — спросила я, оглядываясь.

— Нет комнат. Есть пространство. Ты живешь здесь.

Я почувствовала укол ярости. Золотая клетка.

— Я требую ключи от входной двери. Если мне станет плохо или я решу уйти, я хочу иметь возможность это сделать.

Виктор остановился посреди зала.

— Снаружи тебя ждут люди Соколова. Внутри — мои. Ключей не будет. Безопасность не предполагает выхода.

— Это абсурд! Я не заключенная!

— Ты актив. Самый ценный актив в игре против твоего мужа. Активы хранят в сейфе.

Он отвернулся, подходя к журнальному столику из стекла и металла. Я хотела кричать, но ноги подкосились. Голова закружилась так сильно, что мир поплыл. Я не ела сутки. Стресс выпил все соки. Я схватилась за спинку дивана, чтобы не упасть на пол.

И тогда я увидела карту.

Белый конверт с логотипом частной клиники «Медлайф». Имя «Елизавета Соколова» было напечатано крупным шрифтом. Сердце пропустило удар. Я метнулась к столу, позабыв про гордость, про угрозы, про этот ледяной дом. Мои пальцы коснулись бумаги. Живая. Теплая. Настоящая.

— Откуда это? — голос дрогнул.

Виктор медленно обернулся, взял конверт и вынул медицинскую карту.

— Она спит. Ей дали сильное снотворное, чтобы она не звонила тебе ночью. Григорий хочет, чтобы ты считала ее живой игрушкой в своих руках, пока сам готовит почву для суда.

Удар был ниже пояса. Снотворное. Ради чего? Чтобы я не слышала плач дочери? Чтобы я думала, что она в безопасности, пока он строит свою ложь?

— Мерзавец, — прошептала я.

— Да. И он знает, что ты здесь.

Виктор вернул карту мне. Я прижала её к груди, чувствуя, как бьется сердце.

Неожиданно колени подогнулись окончательно. Темнота начала сужать поле зрения. Последнее, что я запомнила — это тяжесть чужих рук, подхвативших меня, и запах табака и мяты.

Очнулась я от звука воды. Кто-то поливал мне виски холодной водой. Я моргнула, фокусируя взгляд. Передо мной склонился Виктор. Он выглядел раздраженным.

— Пей.

Перед моими губами оказался стакан. Я взяла его трясущейся рукой и сделала глоток. Вода обожгла горло, но привела в чувство.

— Ты не врач, чтобы меня реанимировать, — хрипло сказала я.

— Врачи болтливы. Я нет.

Он поставил передо мной тарелку. На ней лежал бутерброд. Простой, домашний. Белый хлеб, ветчина, кусочек огурца, немного масла. Он сам сделал его на кухне. Этот властный, замкнутый хищник, которого боялась вся криминальная Москва, стоял на своей кухне и резал ветчину, потому что я потеряла сознание от голода.

Я взяла бутерброд. Руки все еще дрожали, но теперь от шока. Он наблюдал за мной. Тяжело, оценивающе. Как человек, наблюдающий за раненым зверем: дойдёт ли он до логова или умрет на дороге.

— Спасибо, — выдохнула я между кусками. Еда была соленой, жирной, идеальной.

— Не благодари. Ешь. Нам надо работать.

Телефон в кармане завибрировал. Рывок за рывком. Я достала его, ожидая увидеть номер няни или врача. Но на экране светилось имя: Григорий.

Сообщение пришло мгновенно: «Я знаю, где ты. Ты моя вещь, Анна. Подпиши отказ, или я сделаю так, что ты никогда не увидишь солнце. Никогда. Ни ты, ни та старуха, которая тебя прячет».

Страх сжал горло. Холодный липкий ужас. Он добрался сюда. Он знал адрес.

Но вместо того, чтобы спрятать телефон, я развернула экран к Виктору.

Он прочитал сообщение. Его лицо не изменилось. Никакой тревоги. Только легкая, презрительная усмешка. Он протянул руку, взял мой телефон, одним движением пальца удалил контакт и выбросил аппарат на диван.

— Он теперь никто без своего кошелька, — сказал Виктор спокойно. — А твой кошелек — я.

Эти слова должны были оскорбить. Должны были вызвать отвращение. Но в тот момент, когда я чувствовала себя абсолютно бессильной, эта циничная честность показалась спасением. Он не врал. Он контролировал.

Виктор подошел к большому столу в центре гостиной и начал раскладывать документы. Папки, распечатки, чертежи. Проект «Гавань». Тот самый участок земли, на котором Григорий пытался перехватить бизнес Виктора.

— Смотри, — он указал на стопку бумаг. — Григорий использует твои медицинские отчеты о болезни Лизы как доказательство твоей «недееспособности» в суде. Но в этих бумагах есть ошибка. Одна маленькая цифра в сроках анализов. Найди её.

Я подошла к столу. Документы были сложны, специфичны. Юридические формулировки, финансовые схемы. Моя прежняя жизнь топ-менеджера вспыхнула в памяти. Я знала эти термины. Я умела находить дыры в отчетах.

Я начала читать. Сквозь туман усталости проступала ясность. Вот тут, дата анализа мочи. А вот заключение генетика. Заключение ссылалось на анализ, сделанный тремя днями позже. Я провела ногтем под обеими датами: результат ещё не мог быть у генетика. Это требовало проверки, а не оправданий Григория.

Мои руки дрогнули. Не от страха. От азарта.

Виктор стоял за моей спиной. Я чувствовала его присутствие затылком. Тепло его тела исходило волнами, несмотря на холод комнаты.

— Ты не просто защищаешься, Анна, — произнес он низко, почти в ухо. — Ты атакуешь.

Я подняла голову. Наши взгляды встретились. В его глазах не было жалости. Был интерес. Острый, опасный, мужской интерес. Он видел во мне не жертву, которую нужно спасти, а оружие, которое нужно зарядить. И я согласилась быть этим оружием. Потому что другого выбора не осталось.

Глава 6

Я продолжила читать документы. Первый файл проекта. Почерк Григория на полях. Мелкие, аккуратные буквы. Слово, которое он всегда писал, когда лгал себе и другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.